

Интернет-журнал «Мир науки» ISSN 2309-4265 <http://mir-nauki.com/>

Выпуск 2 - 2015 апрель — июнь <http://mir-nauki.com/issue-2-2015.html>

URL статьи: <http://mir-nauki.com/PDF/27JUMN215.pdf>

УДК 340.15

Князев Павел Андреевич

ФГБОУ ВПО «Самарский государственный университет»

Россия, Самара

Доцент кафедры теории и истории государства и права и международного права

Кандидат исторических наук

E-mail: pavkniazev@yandex.ru

Всеобщий подход к истории государственности и права: вопросы из прошлого и настоящего

Аннотация. Статья формулирует и исследует комплексную методологическую задачу: конструирование и последующая экспертиза исследований по всеобщей истории государственности и права. Построение всеобщей модели представляет трудность, поскольку историко-правовая практика многих сообществ, взятая в её рационально понимаемой части, представляет собой едва обозримое множество опытов самоосуществления народов во всякой созданной ими культуре. Усложняющим фактором оказывается отсутствие генеральной и достаточной для всех традиции научного и научно-популярного объяснения государственно-правовых процессов. Не существует универсальной автономной техники, освоенной в опыте и признанной научными школами для конструирования «всемирных историй». Препятствием для адекватной «всеобщности» истории государственности и права становится отсутствие единого доктринального языка. Невозможность существования общего философского и идейного подхода к наследию нормативного поведения как исторических, так и современных народов и государств обуславливает идеологическое и доктринальное многообразие научных и обучающих текстов по рассматриваемой дисциплине.

Ключевые слова: античная историография; всеобщая история; идеография; идеологическое многообразие; историософия; история государства и права; национально-историческая версия права; поликультурность; фидеизм.

Ссылка для цитирования этой статьи:

Князев П.А. Всеобщий подход к истории государственности и права: вопросы из прошлого и настоящего // Интернет-журнал «Мир науки» 2015 №2 <http://mir-nauki.com/PDF/27JUMN215.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

Конструирование и последующая экспертиза исследований по «всеобщей истории государственности и права» представляется комплексной задачей, не имеющей «завершающего исполнения»¹. Она обязывает исследователей: сформулировать её этико-философские основания, предмет изучения, технику отбора артефактов (как следов деятельности людей и активности природы в прошлом), методику их объяснения. Всё это подчёркивает границы рационального начертания текстов, сколь бы малыми по объёму они ни были. Подобная «всеобщая история государства и права» (далее – ВИГП) может быть выражена как часть «всемирной (всеобщей) истории» (далее – ВИ), конструкции которой обсуждаются первыми². ВИГП в свою очередь предстаёт «междисциплинарной» или, по крайней мере, многодисциплинарной техникой конструирования. Цепочка специализации, которую начинает концепция ВИ, продолжается через «национальную» или «зарубежную» истории. Внутри ВИ-концепции выделяется ВИГП, как сегмент первой, или «история государства и права зарубежных стран» (далее ИГПЗС), как сегмент второй. Могут конструироваться следующие сегменты: история государства и права славянских народов, история государства и права Западной Европы, Латинской Америки, Юго-Восточной Азии и т. д. Подчеркнём, что уже ВИ-концепция прошлого народов и государств Земли не создаётся приёмом «простого сложения» фактов (событий) из быта народов, стран или государств. Не создается «мыслимая» история и в сумме отдельных национальных историй. Методика гораздо сложнее и выглядит вопросом культурной квалификации, а не раз и навсегда данной «истиной».

Представляется, что для постройки ВИГП автор должен использовать особую этику (в объектно-предметном и познавательном отношениях), особую историю, более широкую, чем этно-национальная, особый язык объяснения, не совпадающий полностью ни с

1 Именно поэтому «мыслимую» книгу о текучем становлении и развитии государственности и права на Земле бесцельно завершать заклинанием фаталиста, следуя, например, за царём Вавилонии: «Если же этот человек [...] слова мои исказит, предначертания мои изменит [...], у человека этого [...] великий Ану, отец богов [...], царский блеск да отнимет, скипетр его сломает, судьбу его да проклянёт!» (Законы Хаммурапи. XLIX. 15–50 [15, с. 189]). Почти через девятнадцать столетий раб *верховного царя* из Вифлеема, продолжит традицию *окончательной истины* в словах: «Я свидетельствую всякому слышащему слова... книги этой: если кто приложит к ним, наложит Бог на него язвы... кто отнимет от слов книги... отнимет от него Бог участие в древе жизни...» (Apocalypsis. 1: 1–5; 22: 18–19 [20, с. 742–743; 796–797]). Итак, «мыслимая» всеобщая история государства и права на Земле не претендует на трон повелителя благ, иначе бы она уподобилась старинной теологии и фидеизму, отвечавшим на иные вопросы, для решения задач иного мировоззрения.

2 Полагают, что синтезирующий философский подход к предмету ВИ впервые встречается в творениях Вольтера (урожд. Франсуа-Мари Аруэ: 1694-1778) «Опыт о нравах и духе законов» и «Философия истории». Заметим, что это, конечно не означает, что модели ВИ не привлекали внимание любомудров задолго до Вольтера. См.: [6, с. 29–30]. Хозяйский пафос обучающей историографии категоричен. Указывая на недостижимость «миража всемирной истории», а затем на «объективное» бессилие напористых, констатируют следующее: «Грандиозность задач и заведомая невозможность выполнения такого проекта отнюдь не могут служить препятствиями для тех, кто решился писать всеобщую (мировую) историю». [24, с.43–46]. Выше в прим. подчёркивалось, что ВИ-проект исполним (= завершаем) лишь в теологии и фидеизме, но не в скептическом сознании. В нём он всегда недостаточен, так как не успевает за скороходом времён и тонет в пучине культурного изобилия. Эти препятствия, конечно, не повод для сна, они скорее ступеньки для ежедневного подъёма. Если почти ежегодно в России издаются и переиздаются «заведомо знающими» сегментированные версии ВИ, в виде ИГПЗС, то это подтверждает лишь то, что социальная и политическая потребность в них не иссякает. Стоит ли за ней следовать в условиях, когда попытки соединить народы и государства под надзором технологически успешных вельмож приобрели планомерный, опережающий, и нередко агрессивный характер? Охотники за «глобализмом» разыскивают в истории не следы поликультурности, а ищут «большое в малом», т. е., проще говоря, нарезают по удобному шаблону тождества и сходства между всеми культурами, чтобы привести их к единому знаменателю (т. е. к шаблону). То же самое делали, например, миссии иезуитов, облачаясь в нецерковные одежды и выступая как бы изнутри тех культур, где они скромно служили Римскому престолу. Принцип «пробабилизма» (лишь возможности) греха в том или ином деянии, когда нет его неизбежности, мог санкционировать не только вольности в одежде, как у служителей, так и среди неофитов. Достаточно, что распахивались двери «светского пути» для научения «правде единой». Где-то рядом воинствовали конкистадоры или их продолжатели. См. статью об Ордене иезуитов и наблюдения Г. Бёмера: [31, с. 573]; [3, с. 294].

языком римского права, ни с отраслевыми выражениями, ни с языком «стандартной» теории права. Все подходящие дисциплины нужно стройно согласовать между собой, чтобы создать убедительный гармоничный продукт. «Вненациональный» характер этой сложнейшей задачи не должен уводить читателя от понимания того, что заданная «объективность» дружит с историческим и правовым опытом каждого замеченного народа. Примем за основу, что историко-правовая практика многих сообществ, взятая в её рационально понимаемой части (хотя бы с её важнейшими опорами) на деле представляет собой едва обозримое множество опытов самоосуществления народов во всякой созданной ими культуре.

Обсудим их: **Во-первых**, не существует генеральной и достаточной для всех традиции научного и научно-популярного объяснения процессов, которые освещает наша наука. Напротив, эксперты исследований римского права могут обосновать свои приёмы и сослаться на опыт, начиная с сохранившихся «эталонов традиции», созданных во II и VI вв.н.э, а также воспользоваться наследием романистов Германии XIX столетия. Поэтому вплоть до XVIII столетия в иудейской, католической, ортодоксальной и протестантской среде доминировали две книги – Тора и Библия. Они применялись как образцы всемирно-исторического и всемирно-правового идеала, доступные для объяснения повсюду, где учительствовали синагога и церковь, и в тех странах, где служили священники и раввины. Тем не менее, Библия не являлась ни учебником по всемирной истории государства и права, ни научно проверенным текстом о прошлом народов Земли. Она представляла собой сомкнутую теологию прошлого, настоящего и будущего, взывая к авторитету иудейских пророков и прежде всего к чуткому простодушию читателей. Переведённые версии книги наставляли всех тех, кто в массе своей полностью утратил связь с культурой предков или с её фундаментом³. Открытие в эпоху европейского Возрождения античной литературно-исторической традиции и её усилий очертить «круг Земли» в том или ином проекте «истории многих стран и народов» конечно не заменили политическое влияние церкви и, соответственно, потребности в Библии для воспитания «добрых подданных».

Экономный подход к социальному времени народов и государств был самым наглядным образом выражен в античной древности. Сторонники идеографии монизма (при всём разнообразии её версий) указывают на отсутствие «историзма» в древнегреческой традиции историописания⁴. С другой стороны можно увидеть, что древние действительно не были

3 Ср. «Быв однажды чужими (οὐ λαός), стали бога людьми [воинством] (λαός θεοῦ), некогда осуждённые, теперь же отпущенные на волю» (I Petrus. 2: 10 – пер. П.А.Князева) [20, с. 706]. Заметим, что традиция текста именует адептов новозаветного бога существительным λαός (здесь – в значении «божьи люди» или еврей), а не δῆμος, не ἔθνος или, к примеру, γένος. Если первое относится ближе всего к собирательному образу людей из массового скопления или полчища, то второе представляет собой граждан в узко-политическом значении. Третий и четвёртый термины теснее всего выражают значение членства в роде или родо-племенном сообществе. Суетная толпа черни (ὄχλος) не входит в список так или иначе «управляемых людей». Итак, «человек из лишенцев», согласно новозаветному тексту, обрёл покровительство и даже «небесное право» действовать, но не добился прав гражданина и не породнился ни с одним народом Земли в традиционном понимании, а также не усвоил его культуры как своей. А зачем, если целеустремлённый *индивид* из λαός θεοῦ, обходящийся «без племени и паспорта» самоопределялся повсюду как «заезжий странник», готовый сняться с межнационального бивуака и вскоре разбить другой. Cf. I Petrus. 2: 11. При этом «странствующие» обязывались чествовать всякого, имеющего «в миру» политические права или власть (Ibid. 13–17). См. также историю знакомства с библейскими текстами русских адептов новозаветного культа: [25].

4 Утверждается, что «античная историография не имела такого научного статуса, так как она занималась преимущественно сбором и описанием единичных и случайных событий и фактов» [6, с. 14]. Если мы обратимся к текстам «Географии» Страбона, то можно не доказывать его пользу для историков античности. Данный труд, адресованный семье Цезарей, аккуратно следуя тени гномона с Востока на Запад и вновь, описывает народы, их ресурсы, нравы и быт в самых мелких подробностях *не случайно*. Единство историческому кругу земель Страбона придает не только коловращение тени на песке. Автор, отнюдь не забывая о местной и всеобщей хронографии, определяет возможности народов в соответствии с потребностями тогдашнего мирового центра – Рима и его империи, которой, полагали, не будет конца. Страбон, живший на рубеже новозаветных эр, даже не заметил столь чтимого в теологии перехода, но проявил историзм, полезный для имперского центра и порядка, который он

знакомы с «историзмом», который затем утвердился в одинокой библейской теологии, гегелевской философии и советско-марксистском историческом материализме («истмате»). Но подобная «недальновидность» греческой философии вовсе не доказывает полезность или практическую убедительность проектов объяснения прошлого в наши времена. Беспольный эскиз ВИ или набросок её сегмента, конечно, не мог заслужить одобрения в обществах, где еще не стремились наладить поток производства «учёных для всех» (по праву на дальнейшее образование за свой счёт), аналогичного многоступенчатому конвейеру академ-индустрии XVIII-XXI столетий. Историзм античного общества вытекал из представлений о единстве природы и родственников, близких и дальних, вечности, которая имела своё начало и совершала циклически возвратные движения, так непохожие на процесс сотворения и уничтожения *мира* как торжестве *агапической* любви в напоминаниях библейских рассказчиков. Доля раба отталкивала античную публику, а блаженство богов, которые не учили ремеслу раболепия, мыслилось вполне естественным. Боги античности собирались на советы и выбирали старших. Если бог Мардук в Вавилонии был награждён царственностью (правом навести порядок среди людей) на совете богов, то Зевс был избран богами-олимпийцами, видимо, с той же царственной целью. Боги Востока подчинялись установленной иерархии совладычества, а боги Запада совету и Судьбе⁵. Никто не претендовал на исключительность и

строил, где мог. В широком смысле автор назвал свой труд «Историей Земли», которую населяет живая природа (Strabo. I. 16). Историзм Страбона вырос из утверждения начал *научной полезности*, но ими не заканчивался. Главное, его наука помогла задержать распад государственного порядка лет на 200, а то и больше. Об истмате этого сказать нельзя, как и о его предшественниках, которые и в теории и на практике не разрешили *научно-гуманистических задач* своего времени.

За тенью античных часов можно проследовать по страницам русского перевода, сделанного Г.А.Стратановским [27, с.14; 19]. Одним из предшественников Страбона был Полибий, творец «Всеобщей истории» («Историй») Рима и вовлечённых им по ведению *Судьбы* в единый политический круг множества стран. Сопоставление и сличение историй различных стран на пути поиска смысла целого – таковы принципы историзма Полибия, которые он преследует (Polyb.I.1-5) [22, с. 148–150]. Нет необходимости доказывать, что политический смысл целого может привлекать не только составителей проектов ВИГП. Его урожай каждая заинтересованная культура собирала (и собирает) для себя; не важно, прилагались ли её усилия к угодам одинокого островка Пасхи, или её творцы называли своим помещьем весь мир.

Автор «Становления понятия всемирной истории» констатирует, что библейский «Бог абсолютно свободен, он выше какой-бы то ни было природной или духовной необходимости» [6, с. 14]. Теоцентричная точка зрения враждует с политической свободой как античных мудрецов, так и граждан *Нового времени*, если «свобода состоит в возможности делать всё, что не приносит вреда другому» (Декларация прав человека и гражданина от 26 августа 1789 г. Ст.4: [8, с. 471]). Абсолютная свобода обуславливает тотальную безответственность и, т.о., враждебна принципу здоровой совести, который и был оформлен детьми *просвещения* в ст.4 «Декларации прав». Он известен и Аристотелю (IV-III вв. до н.э.), хотя не только ему, но и составителям «Законника Хаммурапи». На вопрос, как вести себя с друзьями, философ ответил: «Так, как хотелось бы, чтобы они вели себя с вами» (Laertius. V.21 [10, с. 194]). Совесть обязывает, но не обязательно прощает. Как не прощает она упрямых врагов, так и старинное право пресекало их злодеяния. Вражда с друзьями ведёт к дружбе с врагами.

5 Русские переводы рассказов о происхождении живых существ и целой природы в преданиях различных народов представлены существенными фрагментами см.: [16]. Историзм древнегреческой мысли (с учётом требований советского истмата) изложен в кн.: [19, с. 7–9; 10–30]. Пример агапической любви «космического масштаба» см: Secundum Ioannem. 3: 16.: «Ибо настолько возлюбил бог мироздание сие, что единственного сына принёс (в жертву), дабы всякий доверившийся ему не погиб, но обрёл жизнь вечную» (пер. П.А.Князева) [20, с. 292]. Если целью агапической любви является «животворение» всякого «верного», то не противоречит новозаветной логике и то, что гибель каждого скептика оправданна (им самим). Итак, мироздание антагонистов будет уничтожено вместе с ними в акте финальной и мучительной кремации. См.: Apocalypsis. 20: 14–15 [20, с. 792]. Такая кульминация *теологии будущего* конфликтует с политико-правовыми ожиданиями современников любой эпохи, если наказание закоренелых злодеев и всех стойких антагонистов «верховного царя» откладывается на веки вечные, давно превысившие срок жизни множества поколений чающих. Т.о., историческое богумудрие и его наследство изначально не справляется с гуманистическими задачами, которые призвана решать историко-правовая методика в основательных проектах ВИГП. В итоге солидное теологическое эссе Г. Дж. Бермана, который сконструировал «бессердечную языческую науку» античности, не достигает цели. См.: [5, с. 11; 322–323] См. также значимые извлечения из сочинений выразителей *христианской теологии времени*, св. Августина («О Граде Божьем») и Иоахима Флорского («Книга о согласии Нового и Ветхого заветов») в изд.: [30, с. 20–30].

вечное верховенство. Гражданский историзм как зрелое достижение академиков античности оставил за собой не только космогонические эскизы ВИ, но и в основе убедительные сегодня и бесполезные вчера проекты многомерной среды всех, преследующих своё благо.

Наставничество по библейским следам прочно обосновалось на Западе Евразии и разделилось на множество доктринальных школ и потоков: католический, ортодоксальный, протестантский и «схизматические». Схоластический разум «расщепления и сборки» лишь дополнял психолингвистическое воздействие сборника восточной мудрости. Иными словами, вплоть до создания светского варианта высшего образования, потребность в той или иной версии (или её сегмента) дисциплины ВИГП политически не осознавалась⁶. Создание национально-гражданских монархий и республик в Европе и Америке в XVIII-XIX вв. стало необходимым условием для организации первых курсов, частично выполняющих задачи ВИГП в объеме, достаточном для «просвещенного» королевства. Государи и ассамблеи республиканцев, начали искать себе опору не только в дозволении метафизических Небес, но и на образцовой почве национальных интересов и, соответственно, светской истории⁷.

В странах ислама еще в XIV – XV столетиях были созданы свои варианты «всемирных историй», а Ибн-Хальдун выдвинул прозорливое объяснение происхождения отчужденности государства и общества. Историки мусульманского Востока были обязаны решать религиозно-философские задачи, не только разделяя людей на мусульман и «неверующих». Сама всемирно-временная шкала в линейном представлении делилась на «эпоху неверия» и «эпоху веры». Вторая предполагала неизбежный территориальный рост, а первая сокращение. Поэтому на практике сами эпохи как бы сосуществовали в параллельности времён. Изыскания мусульманской культуры историописания сосредоточились на выяснении биографических подробностей рассказчиков о жизни одарённого вышними откровениями Мухаммеда и правителей мусульманских стран, которые могли бы достойно следовать воле Небес или, напротив, сбиваться с пути. Историки писали для пользы правителей в деле распространения и укрепления веры. Поэтому они подробно отчитались о своём знании народов, городов, географии стран, и отличились изучая сильные и слабые стороны могучих союзников и чужеземных врагов. Историки внимательно отслеживали, например, родословную тюрков и успехи монгольских ханов, разрушивших Багдадский халифат. Ввиду того, что в дальнейшем страны мусульманского Востока не проявили интереса к светским реформам в образовании, аналогичным посевам в «век просвещения» европейцев, раскол между «эпохами» и традиционный подход к ним побеждали неспешное время без решительных перемен вплоть до турецкой революции под водительством Ататюрка.

Идеология «всемирной солидарности мусульман» (или панисламизм) как духовная основа для создания той или иной версии истории государства и права теоретически не могла быть востребована до столкновения с колониальными экспедициями европейцев на Восток. Давление колониализма было многовековым и технически превосходящим, несмотря на некоторые успехи сопротивления. Одолеть или саботировать саму идеологию и

6 Так, составленная для наследника трона сэром Уолтером Рэли «История мира» начиналась с *божественного сотворения мира* и была доведена до завоеваний Александра Македонского в Азии. Концептуально его работой руководили «голоса Библии», несмотря на то, что он искал подробности в текстах античной традиции. Закончить свой труд, который, видимо, планировался вплоть до истории современников писателя, придворный не успел. Арестованный по обвинению в измене Якову I он, находясь в заточении, сделал целеполагающую приписку в конце «введения»: *«И довольно для меня в том положении, в каком я пребываю, написать о временах древнейших... говоря о прошлом, я указываю настоящему...»* [33]. Но фактически это делал всякий осторожный миссионер!

7 Теолог А.П. Лопухин, подыскивая место во времени для «Моисеева законодательства» подчеркнул в 1882 г. его историческую и практическую относительность, если оно лишь *«время от времени»* выражало *«весь круг идеального мировоззрения известной эпохи»* [18, с. 3]. Европоцентристский эскиз разнообразия видов истории см.: [26]. Об историческом значении преподавания римского права см.: [4, с. 124–153]. Конфессиональный, но привлекающий к библейской традиции читателей даже инертных к ней, взгляд на историю текстов: [9].

правопонимание ислама никому из колонизаторов не удалось, если где-то такие попытки и делались. Всё это не способствовало созданию особой истории зарубежного опыта государства и права и, тем более, не привело к составлению «секулярной всемирной истории»⁸.

Во-вторых, универсальной автономной техники, освоенной в опыте и признанной научными школами для конструирования «всемирных историй», в настоящее время не существует. Поэтому дидактические и исследовательские задачи формулируются либо государством, либо авторским замыслом. Не исключены и «сборочные» версии в той или иной школе специалистов⁹.

В-третьих, если национально-историческая версия права может быть в принципе изучена и изложена на догматическом и доктринальном языке страны применения, то для ВИГП такой язык непрерывно (или пока что) создаётся и становится. В прошлом базовыми «матрицами» были древнегреческий, латинский, английский и испанский, затем к ним добавились русский и американский (вариант английского), на очереди находится признание пекинского диалекта. Словом, люди не вспоминают прошлое «вообще» и не слушаются «единого языка науки» там, где он касается их ценностей. «Язык эсперанто» – продукт поборника унификации, ценителя хитрой эклектики и безразличия к говорам, истории и культурам народов – так и не захватил вожделенный приз.

Только с конца XVIII в. наблюдается рост сравнительного языкознания. После прочтения «Розеттского камня» с надписями на нескольких древних языках, стало возможным восстановление древнеегипетского языка и, соответственно, создание египтологии, обращенной далеко в прошлое. Лишь в начале XX столетия получил известность первый перевод древневавилонского законодательства. Недавние находки неизвестных ранее

---

8 Для уточнений можно воспользоваться словарными статьями «Историки классического периода» [28, с. 93–95]; «ал-Джахилия» [14, с. 63–64]; «Газават» [14, с. 51]. См. тж.: [12, с. 11–29]. Теологические концепции территориального всемирного устройства излагает Н.В. Жданов: [12, с. 30–32]. Об историософии замечательного теолога-историка Ибн-Хальдуна, а также извлечения из его сочинений см.: [13]. Доктринальная история монобожия (и соответственно «моногоуманизма» как якобы универсальной ценности, вменённой повсюду и всем) популярно изложена в кн.: [2]. О политико-экономическом давлении на страны ислама извне и ответной политико-правовой реакции см.: [23, с. 334–384]; [1, с. 240–282; 370 и сл.; 394–401].

9 Её пытались создать еще в XVIII-XIX вв. Так, в 1725 г. увидела свет замечательная книга итальянского доктора римского права Джамбатисты Вико. В «Основаниях Новой науки об общей природе наций» католический профессор попытался, отвлекаясь от воинствующей дидактики библейских текстов, выстроить в принципе иную практику взгляда на мир. Объектами его интересов стали не духовные усилия и сражения библейского народа, взятого в удел богом Яхве, и не миссия его сына Ешуа, велевшего приобщить к порядкам в божественной семье «все народы» Земли. Дж. Вико попытался соединить в своём сочинении материалы по «всеобщей культуре человечества», создав этим по сути первую универсальную всемирную историю политических народов. Наряду со сведениями по географии, языкам, материальному быту он включил в свою объёмистую работу сведения о государстве и праве народов, достаточно известных по письменной традиции стран Европы. Он также ввел новые ступени хронографии, раскладывая свою «Новую науку» на 3 временных цикла: религиозный, варварский, гражданский. Последнему циклу соответствует совершенный тип права – «естественное». Умозрительные конструкции учёного не снискали широкого признания или известности даже в университетских коридорах. Но нужно подчеркнуть, что никто ранее, пожалуй, не применял столь оригинальную и яркую концепцию времён, которая отвлекалась бы от старого понимания культурных успехов народов, когда признавалось разделение прошлого, настоящего и будущего на известные времена от *сотворения мира* до *пришествия Христа*, первого и грядущего; или сама трёхчастная история представляла бы собой *царство отца, служение его сына, триумф духа святого* [7].

Без разработки сравнительного языкознания, становления антропологии народов Земли и сравнительного правоведения научный успех любой работы по «всеобщему государству и праву» был маловероятным до ничтожности. Без создания методики работы со следами прошлого он был невозможен в принципе. В перспективе серьёзных успехов в начертании техники научного историописания добился прусский профессор древней истории и классической филологии И.Г.Дройзен. См. его кн.: [11].

постановлений сената древнего Рима, могут в чём-то уточнить или изменить доктринальные представления о праве квиритов в молодой империи Цезарей¹⁰.

В-четвертых, отсутствует и не может существовать по стандартам ООН (единственного постоянного форума представителей признанных государств) общий философский и идейный подход к наследию нормативного поведения как исторических, так и современных народов и государств¹¹. Это подразумевает простор для многогранного зрения при объяснении следов прошлого и, соответственно, создаёт почву для идеологического и доктринального многообразия обучающих текстов.

В-пятых, научными средствами невозможно (или мы не можем!) установить совокупную личность того, кто бы занял место универсального студента («человечества») в общепольном кабинете «всемирной истории права»¹². Отсюда возникает противоречие, которое балансирует на вилке интересов национального выживания и сосуществования различных народов Земли. Следовательно, государство, где преподаётся тот или иной вариант суждений о прошлом, в принципе не может быть политически безразличным к идее «научно выверенной истории права». Национальные интересы и вкусы государей часто доминируют над прочими.

Наконец, поставленный перед группой едва проходимых порогов политики, философии и несовершенства молодой науки, читатель и (или) эксперт подходит к полкам книжного магазина или обращается к сетевым средствам доступа к информации, зачастую крайне скупой. Краткий обзор полезности проектов ВИГП может и должен быть продолжен касательно конструкций «информирующих» или «обучающих объектов». Эти постройки более чем другие нуждаются в объяснениях основ и деталей отбора «сырья и фактов», а также подвижности историко-правового процесса в историописаниях, которые претендуют на рациональную убедительность. Но это – тема для другого обсуждения.

10 История «эсперанто»: [32]. Тексты постановлений Сената Рима: [17].

11 О стандартах ООН, касающихся свободы, слова, мысли, убеждений см. книгу, изданную для и от имени ООН: [21, с. 294–231].

12 Если вдуматься, то даже ООН, созданная в 1945 г. по инициативе государств, убедительных в военном деле (и совсем не похожих ни на магнетических орфеев, ни на чарующих сирен) не выражает полноту культурных запросов народов Земли, а как-то прокладывает дороги пионерам изобретательных технологий. Эти государства опытные в деле утилитарного вытравливания традиций, а не в искусстве их использования. Среди них – народные традиции правопонимания. В лучшем случае государства-вельможи поддерживают их лишь отчасти и только там, откуда не ожидается захватывающего противодействия. Иное объяснение может быть дано регулятивному смятению среди люмпенов или «манкуртов», на атомы которых распадаются гибнущие этносы. Истинные неопиты неведомой науки наук принимают их за «народ» и втискивают его в толпу растерявшихся «индивидов». Ревностные к чудесам манкурты повсюду грезят надеждой, что отвращение или безразличие к «обветшавшей» отеческой памяти излечивает «больных сознанием», спасая всех живущих (О «манкуртизации» см.: [29, с. 408–435]. Во всяком случае, знатоки от «люмпен-интеллигенции» ставят ни во что преамбулу конституции России и здравомыслие всякого народа, берегущего своё наследие. О предыстории и системе ООН см. [21, с. 3–25]. Организация, выступающая от имени прибыльной концепции «человечества» нередко исполняет роль бюрократического куратора народов, не являясь на деле их форумом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алаев Л.Б. История Востока. М.: ЗАО «РОСМЭН-ПРЕСС», 2007 – 496 с.
2. Армстронг К. История Бога: 4000 лет исканий в иудаизме, христианстве и исламе / пер. с англ. К. Семёнова. М.: Альпина нон-фикшн, 2008. – 501 с.
3. Бёмер Г. Иезуиты; Ли Г.Ч. Инквизиция. СПб.: ООО ПОЛИГОН, 1999. – 1238 с.
4. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / пер. с англ. – 2-е изд. М. Изд-во МГУ: Изд. группа «Инфра-М – Норма», 1998. – 624 с.
5. Берман Г. Дж. Вера и закон: примирение права и религии / пер. с англ. М.Тименчикова, Д. Шабельникова. М.: Московская школа полит. исследований, 2008. – 463 с.
6. Бойко П.Е. Становление понятия Всемирной истории: историко-философский очерк / под ред. Г.В. Драча. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2006. – 94 с.
7. Вико Дж. Основания Новой науки об общей природе наций / пер. с ит. А.А. Губера. М.; Киев: REFL-book – ИСА, 1994. – 656 с.
8. Виппер Р.Ю., Реверсов И.П., Трачевский А.С. История Нового времени. М.: Республика, 1995. – 495 с.
9. Две Библии – два пути: М.: Изд-во «Сибирская Благовонница», 2009. – 205, [3] с.
10. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / ред. тома и авт. вступ. ст. А. Ф. Лосев; перевод М.Л. Гаспарова. М.: Мысль, 1986. – 571 с.
11. Дройзен И.Г. Историка. Лекции об энциклопедии и методологии истории / пер. с нем. Г.И. Фёдоровой под ред. Д.В. Складнева. СПб.: Изд-во «Владимир Даль», 2004. – 584 с.
12. Жданов Н.В. Исламская концепция миропорядка. М.: Международные отношения, 2003. – 568 с.
13. Игнатенко А.А. Ибн-Хальдун. М.: Мысль, 1980. – 160 с.
14. Ислам. Энциклопедический словарь / под ред. Г.В. Милославского, Ю.А. Петросяна, М.Б. Пиотровского. М.: Наука, 1991. – 315 с.
15. История Древнего Востока. Тексты и документы / под ред. В.И. Кузицина. М.: Высшая школа, 2002. – 719 с.
16. Книга о сотворении мира / сост. Р. Светлов, А. Рахманин. СПб.: Амфора, 2008. – 299 с.
17. Князев П.А. ...Кто смерти поддаться не должен был вовсе: Гибель Германика Цезаря в трёх актах римского сената. Самара: Изд-во «Самарский университет», 205. – 132 с.
18. Лопухин А.П. Законодательство Моисея. Суд над Иисусом Христом. Вавилонский царь правды Аммураби. М.: Зерцало, 2005. – 212 с.
19. Лосев А.Ф. Античная философия истории. М.: Наука, 1977. – 96 с.
20. Новый завет на греческом и русском языках / пер. и ред. Кассиана. М.: Российское Библиейское общество, 2002. – 803 с.

21. Основные факты об Организации Объединенных Наций. М.: Изд-во «Весь мир», 2005. – 456 с.
22. Полибий. Всеобщая история. [в 3 т., 40 кн.] / пер. с греч. Ф. Г. Мищенко. СПб.: Наука : Ювента, 1994. Т. 1. – 495 с.
23. Политические системы и политические культуры Востока / под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Восток–Запад, 2007 – 829 с.
24. Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. История исторического знания. М.: Дрофа, 2006. – 288 с.
25. Рижский М.И. Русская библия. История переводов библии в России. СПб.: Авалон, Азбука-классика, 2007. 256 с.
26. Сергейчик Е.М. Философия истории. СПб.: Изд-во «Лань», 2002. – 608 с.
27. Страбон. География в 17 книгах / Общ. ред. С.Л. Утченко. М.: Научн.-издат. центр «Ладомир», 1994. – 941 с.
28. Тораваль И. Мусульманская цивилизация. Энциклопедический словарь. М.: Изд-во «Лори», 2001. – 296 с.
29. Тощенко Ж.Д. Фантомы российского общества. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015. – 668 с.
30. Философия истории. Антология / Сост., ред. и ступ. ст. Ю.А. Кимелева. М.: Аспект Пресс, 1995. – 351 с.
31. Христианство. Энциклопедический словарь в 3 томах. Т.1. А – К / Гл. ред. Аверинцев. М.: Научн.изд-во «Большая Российская энциклопедия», 1993. – 863 с.
32. Harlow D.J. History in fine / WEB-publication by D.J. Harlow 19.09.1995. URL: <http://donh.best.vwh.net/Esperanto/EBook/chap07.html> (Дата обращения: 31.05.2015).
33. Sir Walter Raleigh, Knight. The Historie of the World. In five bookes. 1614. The preface. URL: <https://archive.org/details/historyofworld00rale> (Дата обращения: 04.06.2015).

Kniazev Pavel Andreevich
Samara State University
Russia, Samara
E-mail: pavkniazev@yandex.ru

Universalizing approach to the history of state system and law: questions from the past and the present

Abstract. The article formulates and investigates a complex methodological problem: construction and subsequent expertise of the research in the universal history of state system and law. Making a universal model presents difficulties because the historical legal activity of many societies, taken in its rationally understood part, represents a hardly observable multitude of experiences of self-realization of peoples in any culture created by them. The complicating factor is the absence of a sufficient for everybody, general tradition of scientific and popular science explanations of state and law processes. There is no universal autonomous technique acquired in experience and acknowledged by scientific schools suitable for constructing “world histories”. The impediment for the adequate “universality” of the history of state system and law is the absence of the united doctrine language. The impossibility of a general philosophic and ideological approach to the heritage of normative behavior of historic and modern peoples and states causes ideological and doctrine diversity of scientific and educational texts on the discipline under consideration.

Keywords: ancient historiography; universal history; philosophy of history; ideography; ideological diversity; history of state and law; national historical version of law; policulturalism; fideism.

REFERENCES

1. Alaev L.B. Istoriya Vostoka. M.: ZAO «ROSMEN-PRESS», 2007 – 496 s.
2. Armstrong K. Istoriya Boga: 4000 let iskanij v iudaizme, khristianstve i islame / per. s angl. K. Semenova. M.: Al'pina non-fikshn, 2008. – 501 s.
3. Bemmer G. Iezuity; Li G.Ch. Inkvizitsiya. SPb.: OOO POLIGON, 1999. – 1238 s.
4. Berman G. Dzh. Zapadnaya traditsiya prava: epokha formirovaniya / per. s angl. – 2-e izd. M. Izd-vo MGU: Izd. gruppa «Infra-M – Norma», 1998. – 624 s.
5. Berman G. Dzh. Vera i zakon: primirenje prava i religii / per. s angl. M.Timenchikova, D. Shabel'nikova. M.: Moskovskaya shkola polit. issledovaniy, 2008. – 463 s.
6. Boyko P.E. Stanovlenie ponyatiya Vsemirnoy istorii: istoriko-filosofskiy ocherk / pod red. G.V. Dracha. Krasnodar: Kubanskiy gos. un-t, 2006. – 94 s.
7. Viko Dzh. Osnovaniya Novoy nauki ob obshchey prirode natsiy / per. s it. A.A. Gubera. M.; Kiev: REFL-book – ISA, 1994. – 656 s.
8. Vipiper R.Yu., Reversov I.P., Trachevskiy A.S. Istoriya Novogo vremeni. M.: Respublika, 1995. – 495 s.
9. Dve Biblii – dva puti: M.: Izd-vo «Sibirskaya Blagozvonitsa», 2009. – 205, [3] s.
10. Diogen Laertskiy. O zhizni, ucheniyakh i izrecheniyakh znamenitikh filosofov / red. toma i avt. vstup. st. A. F. Losev; perevod M.L. Gasparova. M.: Mysl', 1986. – 571 s.
11. Droyzen I.G. Istorika. Lektsii ob entsiklopedii i metodologii istorii / per. s nem. G.I. Fedorovoy pod red. D.V. Sklyadneva. SPb.: Izd-vo «Vladimir Dal'», 2004. – 584 s.
12. Zhdanov N.V. Islamskaya kontseptsiya miroporyadka. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2003. – 568 s.
13. Ignatenko A.A. Ibn-Khal'dun. M.: Mysl', 1980. – 160 s.
14. Islam. Entsiklopedicheskiy slovar' / pod red. G.V. Miloslavskogo, Yu.A. Petrosyana, M.B. Piotrovskogo. M.: Nauka, 1991. – 315 s.
15. Istoriya Drevnego Vostoka. Teksty i dokumenty / pod red. V.I. Kuzishchina. M.: Vysshaya shkola, 2002. – 719 s.
16. Kniga o sotvorenii mira / sost. R. Svetlov, A. Rakhmanin. SPb.: Amfora, 2008. – 299 s.
17. Knyazev P.A. ...Kto smerti poddat'sya ne dolzhen byl vovse: Gibel' Germanika Tsezarya v trekh aktakh rimskogo senata. Samara: Izd-vo «Samarskiy universitet», 205. – 132 s.
18. Lopukhin A.P. Zakonodatel'stvo Moiseya. Sud nad Iisusom Khristom. Vavilonskiy tsar' pravdy Ammurabi. M.: Zertsalo, 2005. – 212 s.
19. Losev A.F. Antichnaya filosofiya istorii. M.: Nauka, 1977. – 96 s.
20. Novyy zavet na grecheskom i rusском yazykakh / per. i red. Kassiana. M.: Rossiyskoe Bibleyskoe obshchestvo, 2002. – 803 s.
21. Osnovnye fakty ob Organizatsii Ob"edinennykh Natsiy. M.: Izd-vo «Ves' mir», 2005. – 456 s.

22. Polibiy. Vseobshchaya istoriya. [v 3 t., 40 kn.] / per. s grech. F. G. Mishchenko. SPb.: Nauka : Yuventa, 1994. T. 1. – 495 s.
23. Politicheskie sistemy i politicheskie kul'tury Vostoka / pod red. A.D. Voskresenskogo. M.: Vostok–Zapad, 2007 – 829 c.
24. Repina L.P., Zvereva V.V., Paramonova M.Yu. Istoriya istoricheskogo znaniya. M.: Drofa, 2006. – 288 c.
25. Rizhskiy M.I. Russkaya bibliya. Istoriya perevodov biblii v Rossii. SPb.: Avalon, Azbuka-klassika, 2007. 256 s.
26. Sergeychik E.M. Filosofiya istorii. SPb.: Izd-vo «Lan'», 2002. – 608 c.
27. Strabon. Geografiya v 17 knigakh / Obshch. red. S.L.Utchenko. M.: Nauchn.-izdat. tsentr «Ladomir», 1994. – 941 s.
28. Toraval' I. Musul'manskaya tsivilizatsiya. Entsiklopedicheskiy slovar'. M.: Izd-vo «Lori», 2001. – 296 s.
29. Toshchenko Zh.D. Fantomy rossiyskogo obshchestva. M.: Tsentr sotsial'nogo prognozirovaniya i marketinga, 2015. – 668 s.
30. Filosofiya istorii. Antologiya / Sost., red. i stup. st. Yu.A. Kimeleva. M.: Aspekt Press, 1995. – 351 s.
31. Khristianstvo. Entsiklopedicheskiy slovar' v 3 tomakh. T.1. A – K / Gl. red. Averintsev. M.: Nauchn.izd-vo «Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya», 1993. – 863 s.
32. Harlow D.J. History in fine / WEB-publication by D.J. Harlow 19.09.1995. URL: <http://donh.best.vwh.net/Esperanto/EBook/chap07.html> (Data obrashcheniya: 31.05.2015).
33. Sir Walter Raleigh, Knight. The Historie of the World. In five bookes. 1614. The preface. URL: <https://archive.org/details/historyofworld00rale> (Data obrashcheniya: 04.06.2015).